

Стоило Ин Цинъяну взмахнуть кнутом, как ослик резво побежал вперед. Впрочем, радоваться пришлось недолго: не успели они отъехать и на пару шагов, как копыта скользнули по скрытому под снегом льду. Телега опасно накренилась, едва не выбросив старого и малого в сугроб.

Великий наставник Цзян тут же устроил Цинъяну головомойку. Ругался он виртуозно — ни одного непристойного слова не обронил, а отчитал так, что уши горели.

Ин Цинъян, чувствуя себя виноватым, перечить наставнику не решился — только молча сносил ворчание.

Про себя он лишь ворчал: в таком захолустье, как Цюнчжоу, любые новости из столицы плелись месяц, а то и два. Да и то долетали лишь те слухи, что гремели на всю Поднебесную.

О затерянных же в глуши горах и говорить нечего — здесь царило полное безмолвие. Места безлюдные, на тракте путника днем с огнем не сыщешь. Разве что изредка проторохтит казенная телега с провиантом, везущая припасы в поселение Цюншань.

Но даже по редким, случайным обрывкам чужих разговоров Цзян Юньчжи ухитрялся безошибочно восстанавливать картину придворных интриг. Не выходя из своей лачуги, Великий наставник видел суть столичных бурь. Ум его граничил с дьявольской проницательностью. Другие уцелевшие сановники часто сокрушались: кабы встретил господин Цзян достойного государя, его имя давно бы украшало исторические хроники.

Сам же господин Цзян, чье имя вполне могло бы прогреметь на всю страну, уезжать из этой глухомани не помышлял. Ин Цинъян порой ловил себя на мысли, что все эти едкие, полные горечи рассуждения о государственных делах — лишь повод, чтобы посильнее уколоть Сверх-императора Великой Лян.

Похоже, вместо того чтобы направлять дела государства, Цзян Юньчжи предпочитал оттачивать свое блестящее красноречие на Сверх-императоре, мешая того с грязью при каждом удобном случае.

Одно время Ин Цинъян порывался предложить ему податься на службу к новой династии Великой Лян, но, наслушавшись дерзких, едва ли не изменнических речей наставника в адрес тамошнего повелителя, неизменно оставлял эту затею.

К тому же он сильно подозревал, что старик просто-напросто обладал несносным нравом и чересчур острым языком, яд которого изливался на каждого без разбора.

Такие мысли бродили в голове Пятого принца, пока он пропускал мимо ушей бесконечную нотацию.

Относясь к наставлениям как к заунывному напеву уличного музыканта, Ин Цинъян лениво правил осликом.

По пути к родной горе они проезжали мимо торгового городка — за годы их вынужденного затворничества все предметы первой необходимости закупались именно здесь.

Наставник Цзян, в чьих руках была сосредоточена скудная казна общины, самолично вел закупки. Ин Цинъян послушно следовал за ним шаг в шаг, взваливая на себя тяжелые тюки.

Перед возвращением они раскошелились на теплые зимние одеяла. Зима в этот раз навалилась свирепая: метель бушевала который день, и небо не думало проясняться.

Деревушка их хоть и пряталась в затишье под самым склоном, но мороз пробирал до костей. Вокруг высились бесконечные сугробы. Куда ни кинь взор — расстилалась слепящая белизна, навевающая жуткую мысль: стоит зазеваться, и буран усыпит тебя навеки.

Из года в год зима в этих горах Северных земель безмолвно собирала свою жатву. Им оставалось лишь бороться за жизнь и уповать на то, что их кости не останутся тлеть под безымянным холмиком посреди ледяной пустыни.

Помимо одеял прикупили теплой одежды. Чем дальше на север, тем бесплоднее становилась земля, а готовое платье росло в цене. Все эти годы они обычно брали отрезы подешевле и шили сами. В лавки готового платья захаживали разве что по великим праздникам.

Изрядную долю платы за обучение, которую получал наставник Цзян, составляло зерно, так что на пропитание тратиться почти не пришлось.

В обратный путь они тронулись, нагруженные доверху — телега осела под тяжестью поклажи.

Долго пробиваясь сквозь снежные заносы и ловко огибая гиблые места, путники лишь к вечеру добрались до подножия диких гор.

За околицей ютились убогие лачуги. Сизый дым неохотно вился над крышами, но ледяной воздух быстро растворял его, не давая подняться к небу.

Еще издали Ин Цинъян заметил у дороги припорошенную снегом фигуру. Парень стоял неподвижно, точно деревянный столб, выделяясь белым пятном на грязноватом ватнике.

Цинъян помахал ему кнутом, и парень наконец зашевелился, стряхивая с себя снежную пыль.

Он побежал к телеге. С каждым шагом становилось заметнее, какой он высокий и широкоплечий. Темная, огрубевшая от постоянных ветров кожа и резкие черты лица выдавали

в нем чужака — в его жилах явно текла кровь степняков.

Впрочем, лицо его хранило выражение упрямой и немного наивной простоты.

Цзян Юньчжи подобрал его еще младенцем во время давнего бегства из столицы и вырастил как собственного сына. Из-за темного лица наставник назвал приемыша Мо — Чернила. Так он и рос под именем Цзян Мо, сделавшись преданным другом и телохранителем Ин Цинъяна. Служи они при дворе, его бы звали личным сопровождающим принца.

Да только в учении этот сорвец оказался еще безнадежнее самого принца. Книги наводили на него беспросветную скуку — стоило наставнику начать урок, как Мо засыпал раньше Ин Цинъяна. Слуга под стать хозяину.

Зато сложением природа его не обделила: косая сажень в плечах, настоящий воин. В свои юные годы он мог играючи, одной рукой поднять взрослого мужика.

Телега замерла у околицы. Ин Цинъян с облегчением бросил вожжи парню.

— А-Мо, принимай! Мороз жуткий, зуб на зуб не попадает. Помоги учителю спуститься и перетащи вещи в главный дом. А я пока вперед побегу.

А-Мо поймал вожжи и кивнул с самым серьезным видом:

— Хорошо, молодой господин.

Голова у парня работала туго, поэтому наставник Цзян с самого начала велел ему величать Цинъяна просто «молодым господином». Мало ли, сболтнет лишнего при чужаках — тогда всем несдобровать.

Стоило принцу договорить, как старик уставился ему в спину грозным, хищным взглядом. Ин Цинъян, хоть уже и вытянулся, возмужав, невольно поежился.

Сколько бы лет ни прошло, а строгости у наставника не побавилось.

Но умей Цинъян бояться по-настоящему, разве вырос бы он таким упрямым?

Наставник привстал в телеге и закричал вслед улепетывающему юноше:

— Паршивец! А ну стоять! Сдачу верни, мне нужно свести счета!

Цзян Юньчжи прекрасно знал: этот сорванец шагу не ступит, чтобы не сглупить. И хотя на

ярмарке за ним было не уследить, наставник по одному лишь весу кошелья определял, что тот облегчил его на несколько монет.

Раз бросился наутек — точно спустил все до последнего медного гроша!

Услышав гневный окрик, Ин Цинъян припустил еще быстрее.

На ходу он прижал ладонь к груди, нащупывая сквозь ткань ватника заветный узелок, и довольно усмехнулся.

"Держи карман шире, так он и вернул! Дураков нет.

Деньги давно растаяли, точно весенний снег. С какими грошами я пойду отчитываться?"

Да и верные соратники в деревне, в отличие от наставника, никогда не попрекали его мелкими тратами. Главное — проскочить околицу, а там уж он спасен.

Ин Цинъян мчался так, словно за ним черти гнались.

Позади остались лишь наставник Цзян да А-Мо, чей разговор быстро превратился в беседу глухого со слепым.

Наставник в сердцах хлопнул парня по плечу:

— Да не меня хватай, дурень! Его лови! Я еще не настолько одряхлел, чтобы из телеги без помощи не выбраться!

А-Мо лишь насупился:

— Молодой господин велел помочь вам.

— Ах ты щенок! Уже и слова отца ни во что не ставишь?! Пусти, кому говорю!

— Ставлю, — буркнул А-Мо, но его лапища по-прежнему мертвой хваткой держала старика за рукав. Подумав немного, он упрямо добавил: — Вы же сами учили: слово молодого господина — закон.

Цзян Юньчжи чуть не задохнулся от злости на своего твердолобого приемыша.

— Оболтус! На мою же голову вырос!

Пока эти двое препирались, Ин Цинъян уже юркнул на деревенскую улицу.

Лютый мороз загнал людей по домам — какими бы ветхими ни были лачуги, они все же спасали от пронизывающего ветра.

В тишине раздавался лишь редкий собачий лай да мерный стук топоров — уцелевшие кололи дрова на долгую зимнюю ночь.

Во дворе одной из изб двое крепких мужчин средних лет кололи поленья, аккуратно складывая их под навес.

— Дядюшка Фэн! Дядюшка Лэй! Бог в помощь! — весело окликнул их Ин Цинъян, заглядывая через забор. — Там учитель вернулся, просит подсобить с вещами.

— Вернулся, Ваше Высочество? — мужчина с топором отложил инструмент в сторону и отряхнул ладони от опилок. — Ну, как прошел урок? Все ли уразумели?

Ин Цинъян неловко почесал затылок:

— Да так... с пятого на десятое.

— Эх, господин Цзян вечно торопит коней, — покачал головой его товарищ. — Ваше Высочество еще совсем молоды. Мы верим в вас, но великие дела не терпят спешки. — Он заботливо потрепал юношу по плечу. — Бегите скорее в дом, там уже натоплено. Если остынет, только крикните, я подброшу дров.

Ин Цинъян согласно закивал. Каждый раз, когда старые соратники нянчились с ним, точно с младенцем, он чувствовал себя несмышленышем.

Впрочем, обижать их заботу не хотелось, поэтому он весело отозвался:

— Конечно, дядюшка Фэн! Вы же знаете, я жуткий мерзляк.

Жильем Ин Цинъяну служил главный дом — самая просторная изба в деревне. Жилища остальных лепились вокруг нее полукольцом, точно звезды вокруг луны. В первые годы изгнания это было необходимо для безопасности наследника престола, а после все привыкли и менять ничего не стали.

Говорили, когда-то бежавший из столицы отряд насчитывал сотни человек. Однако в пути их косили болезни, голод и вражеские стрелы — до диких гор добралось меньше сотни уцелевших. Да и унесенные с собой сокровища иссякли за пару лет. За минувшие двадцать лет многие скончались от старости или болезней, и теперь от некогда грозной свиты прежней династии

осталось едва ли полтора десятка верных душ.

Годы стерли былую спесь с благородных мужей, превратив изгнанных вельмож в обычных крестьян. Та же участь постигла и Ин Цинъяна.

Удивительно, но даже прозябая в нищете, эти люди свято оберегали верность Пятому принцу. Они окружали его заботой, порой балуя сверх меры.

Цинъян чувствовал эту безграничную любовь и изо всех сил старался платить им тем же. Он делал все, что было в его силах, а порой совершал невозможное, лишь бы не разочаровать стариков.

Мужчины тепло улыбнулись ему вслед.

Ин Цинъян вихрем ворвался в избу. Быстро раскидав по тайникам купленные на ярмарке безделушки, он накинул на плечо лук, на ходу прихватил с очага горсть кедровых орехов и, полностью снаряженный, выбежал наружу.

Он решил наведаться в лес — попытать счастья на охоте, чтобы запастись мясом к зиме.

Пока сугробы не выросли в человеческий рост, еще можно попытать удачу. Когда же нагрянут настоящие январские метели, соваться в чащобу будет верной смертью.

Какими бы звучными титулами его ни величали, сам Ин Цинъян никогда не мнил себя принцем крови или изнеженным господином. Он вырос в этих горах и считал себя простым человеком, который каждый день борется за жизнь.

Борется отчаянно и радостно, сгорая дотла, точно солнце.

Довольный покупками, Ин Цинъян весело напевал под нос, шагая к воротам. Тетушка из соседней пристройки, заметив у него за спиной лук, приоткрыла дверь и крикнула вслед:

— Опять в чащу намылился? Смотри, далеко не забирайся, сейчас в лесу опасно! Возвращайся скорее!

— Знаю, тетушка! — весело отозвался он, махнув рукой на прощание.

Перед уходом он завернул к навесу, где держали скотину. Рядом с мирно жующими сено осликами стоял крупный вороной конь. Заметив приближение юноши, жеребец приветливо мотнул хвостом и сделал несколько неловких, хромающих шагов навстречу.

— Черная Тень! — тихонько позвал Ин Цинъян и поспешил к нему.

Конь ласково уткнулся мордой ему в плечо. Ин Цинъян приобнял его за шею и сунул в теплую пасть кусочек ячменного сахара. Жеребец довольно зафыркал, щекоча ладонь горячим дыханием.

Потрепав его по лоснящейся гриве, юноша легко перемахнул через изгородь и присел, чтобы осмотреть заднюю ногу коня.

Правое колено коня было неестественно изогнуто и намертво зажато деревянными шинами. Убедившись, что повязка не ослабла, Цинъян вздохнул.

Конь был покалечен. Какая бы стать ни чувствовалась в этом сильном теле, Черной Тени больше не суждено было мчаться наперегонки с ветром.

Но Ин Цинъян души в нем не чаял. Он заботился о жеребце, порой отдавая ему часть своего и без того скромного пайка, из-за чего наставник то и дело распекал его за пустые траты.

Узнай старик, что юноша скармливает калеке редкое лакомство, крику было бы не обернуться.

Не желая выслушивать очередную лекцию, Цинъян тихонько перемахнул через изгородь и на цыпочках направился к выходу. Но стоило ему повернуться, как он нос к носу столкнулся с наставником Цзян, который вел под уздцы своего любимого ослика.

"Вот же напасть! Я совсем забыл, как старик трясется над своей скотиной!"

Наставник удивленно вскинул брови:

— Ты чего тут трешься?

Ин Цинъян так и застыл на месте с виноватым видом.

Юноша попытался заслонить спиной лук и боком попятился к выходу, а после и вовсе дал стрекача.

Наставник сразу понял, куда держит путь этот сорванец.

— Сугробы по колено! Опять пойдешь свои силки проверять? Пустое это дело, только ноги обморозишь! — закричал он вслед.

Ин Цинъян лишь отмахнулся на ходу:

— Кто знает! А вдруг мне повезет и с неба свалится кусок золота? Тогда заживем!

Вслед ему полетели сердитые выкрики про «пустые бредни» и «глупые мечтания», но юноша уже мчался во весь дух, и ветер уносил слова наставника прочь.

Чтобы не встретить других стариков, которые непременно принялись бы охать и отговаривать от опасной затеи, Ин Цинъян пробирался глухими оврагами.

В этих лесах у него было заветное место, о котором никто не знал, так что короткое путешествие в одиночестве обещало быть приятным.

Скрывшись под сенью соснового бора, он побрел по глубокому снегу. В морозной тишине раздавался лишь мерный, сухой хруст под ногами — единственный его спутник в спящих зимних горах.

На ходу он присматривался к заснеженной земле, надеясь отыскать шишки. Лесные звери успели прибрать все до первых холодов, но изредка попадались уцелевшие — приятная находка.

Цинъян бережно собирал их, пока не набрал полную охапку.

Миновав сосняк, он взобрался на каменистый пригорок. Деревья расступились, открывая взору небольшую поляну, где ровными рядами стояли несколько десятков скромных надгробий.

На этих серых камнях не было имен — лишь даты рождения и смерти, высеченные торопливой рукой и подкрашенные дешевой краской. Впрочем, несмотря на суровые зимние вьюги, здесь царил порядок.

В гаснущих лучах зимнего солнца лицо юноши сделалось непривычно серьезным и мягким. Он принялся бережно раскладывать принесенные шишки у подножия могил — скромное подношение тем, кто нашел здесь вечный покой.

— Дядюшки, тетушки, дедушки... в этот раз принес только это, уж не обессудьте, — негромко шептал он, точно беседуя со старыми друзьями за чашкой чая.

Беды и старость нещадно косили их маленькую общину — серых камней на пригорке прибывало с каждым годом. И всякий раз, выпуская последний вздох, уходящие шептали ему одно и то же слово: «Возрождение». Ин Цинъян слышал это напутствие слишком часто.

Но сегодня он просто прожил еще один день. И прожил его не зря.

<http://bllate.org/book/19722/1950765>